

Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна

Доктор исторических наук, этнограф,
заслуженный деятель Республики Ингушетия

ОЧАГ КАК СИМВОЛ БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЕДИНСТВА СЕМЬИ

Гялгял (ингуши) являются одним из древнейших народов Кавказа. Упоминания об ингушах встречаются в трудах Страбона, Плутарха, Моисея Хоренского, Леонтия Мровели, Вахушти Багратиони и др. Антропологически ингуши являются представителями кавкасионского типа балкано-кавказской расы. Ингушский язык относится к нахской группе иберо-кавказской языковой семьи и «наиболее близок к древней хуррито-урартской группе языков».

Гялгял (ингуши) проживают в Республике Ингушетия, в Пригородном районе. Самая крупная диаспора ингушей проживает в Республике Казахстан, где они оказались в результате депортации (1944–1957 годов), незначительная часть проживает в центральных городах и разных регионах России, в странах ближнего и дальнего зарубежья. Все ингуши являются мусульманами.

Издревле ингуши с почитанием относились к очагу. Кхуврч (очаг), согласно народному сознанию ингушей, в древности символизировал культ огня, культ предков и семейное единение. Кхуврч являлся неременной принадлежностью жилого помещения в горах. В нём всегда, зимой и летом, днём и ночью, горел огонь, над ним висел котёл на священной цепи.

Слово кхуврч (очаг) — от слов кхера и ухь (камень и внутри). Очаг представлял собой небольшое кирпичное или каменное возвышение с углублением в середине для собирания жара. Все формы очага, встречавшиеся в традиционном жилище, можно было свести к трём основным типам: первый — срединный очаг без дымовика; второй — срединный очаг с дымовиком; третий — пристенный камин.

Находился очаг ближе к центральной части помещения с отверстием наверху для выхода дыма. Строго по центру очага не делали, так как ветер из раскрытой двери мог сдувать огонь очага. Очаг также мог находиться в углу или ближе к одной из стен. Его располагали ближе к южной части комнаты. В холодные зимние дни вокруг очага собирались члены семьи. Бывало так, что старшие коротали время за рукоделием, рассказывая детям и внукам различные легенды и сказания. Мальчики незаметно осваивали искусство обработки дерева, девочки учились работать с шерстью, вязать, вышивать.

В более отдалённые времена в быту были передвижные очаги из глины. Исследователи В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев пишут: «В поселениях Ингушетии открыты и характерные для куро-аракской культуры глиняные передвижные очаги оригинальной конструкции: круглые, диаметром от 25 до 50 см и высотой до 20 см — они имели с внутренней стороны несколько выступов треугольной формы для поддержания сосуда, в котором варилась пища». Составной частью таких очагов были очажные подставки: цилиндрические, подковообразные, в виде прямоугольных кирпичей с рогообразными выступами и иных форм, в том числе на четырёх ножках, изображающие, видимо, быка. Одна из них была найдена в плоскостной Ингушетии в Экажевском поселении. В башнях очаги для огня строились из камня прямо на полу, в виде небольшой выемки. На месте кострища на пол стелили каменную плиту, обкладывали с боков камнями, которые препятствовали углям и золе разлетаться по помещению. В крыше над очагом устраивали вытяжное отверстие. Во время ветреной погоды дым чёрными клубами собирался под потолком, а потом расползлся по углам сакли. Особенно сильно страдала семья от едкого дыма в холодные зимы. От постоянного дыма верхняя часть сакли почти до половины высоты покрывалась чёрной блестящей сажой. Позже в вытяжное отверстие стали вставлять сплетённый из прутьев и обмазанный внутри и снаружи дымарь.

Огонь в жилище приходилось поддерживать круглые сутки. Это было связано как с рядом суеверий, так и с трудоёмким процессом добывания огня. Были секреты сохранения огня: «каждый вечер хозяйка сгребала железной лопаткой жар на очаге в кучу и, прикрыв сверху золой, приговаривала: «Дай Бог, чтобы огонь сохранился», или «Дай Бог, чтобы огонь век был целый». Долгожитель из села Ляжги Суси Патиев в 60-х годах XX века вспоминал о том, как его мать перед сном сгребала угли в очаге, рисовала крест поверх него и молила о сохранении огня до утра (предположительно XIX век. — Д.З.). Со временем поддерживать огонь научились, используя ствол целого дерева. Для этого в стене делалось отверстие, необходимое для того, чтобы подвести к очагу бревно. Огонь в очаге регулировался так, чтобы бревно не сильно горело, но и не потухало вовсе. Периодически бревно приходилось подталкивать с улицы, а когда оно наружным концом уже влезало в помещение, хозяева устраивали праздник с приглашением гостей. «*Хи чу баьнаб*» (бревно вошло в башню), — радовались все. В этом случае отпадала необходимость всё время подталкивать бревно, да и отверстие в стене закрывалось плотно. Бревна хватало на всю зиму. Оно не сгорало быстро, как поленья, а тлело, согревая жилище. Тепло распространялось по всему помещению, так как от самого очага до самого купола проходил дымоход, от которого все стены обогревались.

Очаг был многофункциональным. Он использовался как в качестве основного вида отопления, так и приготовления пищи; над ним варили мясо, а в углях пекли чурек. Над очагом висела большая железная цепь, за которую цепляли котёл с варевом. Котёл то поднимали, то опускали вниз до огня, в зависимости от того, какой нужен огонь — слабый или сильный. «Над очагом имелся ялинг — железка с зубчиками, то есть длинный железный прут, на котором были зубчики, крючки. Часто на них — над дымом, варилось

мясо... Такое мясо хранилось долго и сохраняло свои вкусовые качества». Одновременно в углях очага готовился сыскал — чурек из кукурузной муки. После того, как он поджарится, сдували пепел и потребляли в пищу.

О почитании ингушами в древности огня (культе огня) говорят сохранившиеся памятники духовной и материальной культуры. В нартском эпосе герои при встрече приветствовали друг друга словами: «Пусть огонь ваш не угаснет». Верхнеджейраховское святилище, известное под названием «Мариам» («Майрам»), по сведениям учёных А.А. Сулейманова, И.А. Дахкильгова, Д.Ю. Чахкиева, в прошлом именовалось как «Сампай-Цлу» («Сампай-Чуг», «Сямпай-Цуги») и было посвящено верховному богу огня и домашнего очага. У стен святилища совершались языческие ритуалы и обильное жертвоприношение. «Важным в жизни ингушского общества было представление об огромной охранительной силе огня». С очагом в центре дома ассоциировалась концентрация архаичности, святости и патриархальности. У семейного очага решались важные вопросы и исполнялись обрядовые ритуалы в жизни семьи. Мистическое почитание огня ингушами подтверждает созвучие понятий «*цлу*» (огонь), «*цлу*» (имя), «*цла*» (дом); «*цле*», «*цлу*» (жрец), «*цлан саг*» (чистый человек).

«Вместе с поклонением огню стало развиваться возвеличивание света, солнца (небесного огня)... С огнём, с домашним очагом было связано немало различных культов. От божественного огня — *цле* потянулась вереница других священных слов: *цлена* (чистый), *цлай* (священный, праздник), *цлув* (святилище), *цлай* — саг (жрец) ...». Почитание огня И.А. Дахкильгов связывает с культом солнца.

С очагом и огнём была связана молния. Согласно народному сознанию ингушей, на Землю гром и молнию посылал Бог Села, которого ингуши называли «золотой силой». «Днём Селы» считалась среда. В этот день нельзя было приступать к важным делам, замужним женщинам не рекомендовали навещать родителей, мужчинам выезжать в дорогу. Существовала народная примета, что если начнётся дождь в среду, он будет литься неделю.

В различных частях горной Ингушетии имелись культовые святилища в честь высокочтимого местными жителями божества-громовержца Села. «В день гибели человека от удара молнией, старший член семьи, надев на плечи надочажную цепь, обращался к божеству грома и молнии Села с благодарственной молитвой за «посещение». Вслед за этим происходило жертвоприношение и общее пиршество. Оплакивать убитого молнией строго воспрещалось, считалось, что это навредит покойнику. В честь убитых молнией ингуши возводили сиелинги (святилища) и считали этих покойников избранными. В день, посвящённый верховному божеству Села, нельзя было давать из очага огня соседям и выбрасывать из него золу, так как считалось, что тем самым выносятся благодать семейного очага. Излишки накопленной золы можно было выбросить, обязательно принеся обратно в очаг её щепотку. Каждый, кто слышал гром, должен был произносить молитву.

С огнём связан и миф о том, что к горе Беш Лоам (гора Казбек) был прикован нарт,

доставивший людям на землю огонь верховного Бога Села — Куркъо. Сюжет с этим персонажем получил отражение и в поэме С. Чахкиева «Баьргихи бизза кад» (Чаша слёз).

О значимости культа огня и очага у ингушей говорят и некоторые проклятия, известные у ингушей: «Ци йов хьа даь» (чтоб огонь отца потух), что подразумевает: «Чтоб перевелась ваша семья». Это было равнозначно понятию «Ци йов хьа даь» (чтоб обеспечилось имя твоего отца). Это значило: «Наха нийса ма ваххалва хьо» (чтоб ты не жил равным среди людей)». Второе выглядело не менее трагично, так как утрата чести для мужчины — это и потеря огня, дома и значимости. Иметь башню, а значит быть хозяином очага, слыть человеком слова и чести, следовательно, иметь свой статус в обществе, — было необходимо. У очага с зажжённым огнём не положено было ругаться, его нельзя было тушить, ссыпать мусор и др. Очаг и постоянно горящий в нём огонь выступали как ценности, на которых держалось благополучие семьи. Это место считались самым священным в доме. Культ домашнего очага был тесно связан с культом предков.

Поскольку в традиционных культурах дом являет собой образ Вселенной, считалось, что маьлха дуне — солнечный мир и Iел дуне — подземный мир соединяются через опорный столб и очаг, которые находятся в центре жилища. Соответственно, контакт людей живущих и умерших осуществляется также через очаг. На праздниках на очаг в виде жертвы клали кусочек хинкала (род галушек), кусочек сала и т.п. Считалось, что если погаснет огонь, то духи покинут дом и унесут с собою весь покой и всю благодать. «Согласно мифологическим представлениям, — пишет А.Х. Танкиев, — мёртвые (синош — души) получали свою постоянную долю пищи через огонь в очаге. Чтобы пища могла дойти до мёртвых, хозяйка дома, прежде чем семья приступала к трапезе, клала определённую символическую долю пищи в огонь очага, произнося благопожелания мёртвым дома и, в свою очередь, прося у них благосклонности, помощи и покровительства. Представлялось, что в зависимости от отношения к себе мёртвые родственники могут хорошо или плохо влиять на живых. Здесь также принцип уважения почитаемого имел свой критерий нравственной чистоты человека. Человек, не соблюдавший данный обряд регулярно, как положено, подвергался моральному осуждению».

Древние предки ингушей очаг и камин осознавали, как «центр жизни... К нему были придвинуты деревянные скамьи, покрытые резьбой. На них восседали старшие в семье мужчины и пришедший в дом гость, которому всегда были рады», — пишут этнографы.

«Култ очага и огня был широко развит у племён куро-аракской культуры», — пишут В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев.

Человек жил с ощущением своей ответственности перед памятью «близких и родных, перед их душами, которые живут у никогда не угасающего очага предков». Только несколько выражений, приведённых И. Базоркиным в романе «Из тьмы веков» подтверждают значимость культа очага для ингушей: «Он очнулся, вздрогнул при мысли, что погас огонь отцов», «...глаза, смотрели на этот вечный огонь отцов... кто и как зажжёт его первым, чтобы обогреть своих потомков...», «огонь отцов никогда не должен погас-

нуть»; умирая, Гарак перед смертью завещает Калою: «... Не оставляй башню... мы всегда здесь у очага... не бросай нас...»; Турс принёс оленя с охоты, и прежде чем приступить к ужину, его жена «плеснула в золу жирного бульона, а Турс отрезал и бросил кусочек печени и мяса в огонь для предков...». Таков был обычай почитания духов предков, живущих якобы дома и получающих свою долю через «пламя неугасающего очага», «Да будешь ты пищей (такому-то покойнику)», — говорила хозяйка дома, и выливала из чаши, находившейся у неё в руках брагу около очага; затем уже все члены семейства принимались за кушанья...».

Ингуши почитают память предков и после принятия ислама. Вечером в четверг мусульмане дают саха (милостыню) соседям: чапильгаш (тоненькие пироги с начинкой из творога, зелени), фрукты, сладости, при этом говорят: «Даъла ший дохь, байнарашта тлера саха», «Даъла ший дохь, нанне, даънне тлера сахлийна» (Во имя Всевышнего, в память о предках. Во имя Всевышнего, в честь матери и отца).

Ингуши берегли очажные цепи, считая, что надочажная цепь «олицетворяет собою обилие, радость, покой, чадородие и вообще благословение на данный дом». До недавнего времени считалось грехом выбрасывать очажную цепь, даже при полной её непригодности, хищение же очажных предметов, в том числе и цепи, расценивалось как злостное преступление и строго каралось. Очажные цепи хранились у многих ингушей ещё и после переселения на плоскость. И сегодня некоторые семьи хранят очажные цепи как реликвии. «Не только сам очаг, но и очажная цепь, огонь, котёл, даже зола и сажа на потолке считались священными», — писал Е. Крупнов. Обожествление очажной цепи И.А. Дахкильгов также связывает с культом солнца; солнечный луч у ингушей называется солнечной цепью (*маълха зИ*).

Прикосновением к надочажной цепи освящались все явления семейной жизни. Слово, данное, взявшись за очажную цепь, являлось клятвенным. Просьбу человека, просящего о чём-либо, нужно было удовлетворить, если он держался рукой за цепь, и особенно перед ужином. Прикасаясь к цепи, произносили слова-напутствия отправляющемуся в путь человеку. Прикосновением к надочажной цепи мог избежать смертельной опасности даже кровник.

Культ предков и культ очага сливались воедино в склепах, которые ингуши строили недалеко от селений. Об этом свидетельствует старинный обряд прощания невесты с родительским домом. Он проходил следующим образом: в некотором отдалении от хорошо разожжённого очага в доме родителей кругом стояли родственники и близкие. Держась за руки, к нему подходили невеста и юноша из числа её близких родственников, но не членов семьи. Он произносил молитву. Невеста же бросала в очаг одной рукой горсть муки (зерно), а другой — щепотку соли. Все присутствующие выдерживали небольшую паузу, поскольку считалось, что в это время очаг по-особому потрескивает и о чём-то сообщает. Затем юноша и невеста, пятясь, отступали от очага и через несколько шагов поворачивались и уходили. Далее невесту подводили к родовому склепу. Она ставила чашечку с мясом в лаз склепа. Молодой человек при этом произносил небольшую

молитву, похожую на нижеприведённую:

Ва-а, деза цІувнаш!
Шо дезаш, шо кхоабаш,
Лийна йоІ-йиша
Керда бІи билла йода шоана.
Вай цаґа ше мел лел,
Коа-карта мел кхест,
Вайца дог тайна йоІ-йиша
Тахан къасташ я шоана.
Шийх баьннача бехкамах
Маьл бехаш я шоана.
Ер цІена цІи йоагаеш
Лийнача шоай йоІ-йишийна
Дикадар ала, хоза ловца баккха.
Вай цІа гоамденна,
Наьха цІа мердзденна,
ДІайодаш яц шоана.
Даьла кхел-рузкѡ хинна
ДІайодаш я шоана...
Яхача вахар тоалолда, ала,
ДІабода никъ маьрша ба, ала,
Юхаберза никъ бийхка ба, ала,
Яхар даьтта хилда, ала,
Лелар маьрша хилда, ала,
Даь-цІа дагадехе,
Даь-цІа йоагІийла, ала,
Маьр-цІай дагабехе,
Маьр-ца гІойла ала,
Яхача даькъала йойла
Вай йоІ-йиша, ала!
Аминь, воа-а Даьла!

О-о, великие цувны,
Ваша дочь и сестра,
Что любила, кормила вас,
Уходит вить новое гнездо.
Дочь и сестра наша,

Что сердцем была с нами,
Пока жила и хозяйствовала
В нашем доме и во дворе,
Покидает сегодня нас.
Просит она прощения у нас
За всё то, что сделала не так.
Дочери и сестре вашей,
Что чистый огонь в очаге содержала,
Хорошее благопожелание скажите.
Она уходит от нас не потому,
Что дом наш возненавидела,
А чуждый дом полюбила –
По Божьей ведь воле уходит она.
Скажите:
пусть замужество её будет хорошим,
Скажите:
пусть путь у неё будет мирным,
Скажите: обратной дороги ей нет,
Скажите: пусть живёт она в благодати,
Скажите: пусть не забывая отчий дом,
Всегда она его навещает.
Скажите:
пусть в замужестве здравствует,
Пусть счастливо живёт ваша дочь
и сестра.
Аминь! О-о Дяла.

Сегодня тексты этих песен уже никто не помнит в народе и на свадьбах они не исполняются. Исследователь Л.Ю. Маргошвили пишет о том, что ещё в начале XX века у ингушей существовал обычай прощания невесты с очагом перед отправлением в дом жениха. Её подводили прощаться к цепи, висящей над огнём. Трижды обводили невесту вокруг очага с покрытой головой, а подруги в это время пели песни с пожеланиями, чтобы молодая жена была «плодовита, как зола священного очага», чтобы она была «прилипчива» к мужу и семье, как сажа. Когда же невесту выводили из родного дома, то трижды обводили по левую сторону очага, таким образом как бы разрывая связь с родительским домом. А во время вхождения невесты в новый дом три раза обводили её по правую сторону — и она, прикасаясь к новому очагу, становилась частью новой семьи. Долгое время, даже после того, как не стало в доме очагов, этот обычай ещё сохранялся на Кавказе. Так, у кистов «посередине комнаты клали угли-цїийэхэшк; 3 раза обведя не-

весту вокруг них, благословляли её».

После свадьбы невеста демонстрировала в доме мужа умение общаться с огнём в очаге: «Женщина совершала ежедневные «брызгания» духам очага для призвания благоденствия своему дому». Обязанность поддерживать огонь в очаге лежала на женщине. «С женщиной связывалось понятие защиты благополучия дома, домашнего огня, о чём свидетельствует целый ряд предохранительных мер и обрядов, совершаемых хозяйкой дома для умножения счастья и благополучия в семье», поддержание добрых взаимоотношений. Отсюда и распространённое суждение «женщина — хранительница очага», а понятие «цIен-нана» в буквальном переводе — «хозяйка очага», «хозяйка дома».

К концу XIX века взамен имеющихся в доме очагов появились товгIа — нечто среднее между очагом и камином. Преобразование очага в камин, который чаще всего делали слева от входа в дом, сопровождалось изменениями в конструкции жилища. В XX веке товгIа были заменены на жестяные печки. Эти печки быстро нагревали помещение и на них удобно было готовить пищу.

Культ домашнего очага имел и имеет у ингушей общественное и нравственное значение.

«Домашний очаг, сосредоточивая вокруг себя членов семьи, имеет организующее значение; культ его освящает власть главы семьи» — писал Б. Далгат.

В. Кобычев отмечал, что очаг фактически отождествлялся с жилищем. Чем больше котлов (очагов) или семей было в фамилии, тем она считалась сильнее и почётнее. Выражение «в такой-то фамилии столько-то котлов» соответствовало указанию силы и почёта этой фамилии. А понятие семьи, двора, заменялось синонимом — понятием котла. Такое значение, приписываемое котлам, объясняется исключительно той высокой ролью, которая принадлежала в жизни ингушей семейному очагу, связанному с культом предков.

Среди ингушей практиковался обряд кхуврч бекъар, то есть раздел очага. Он происходил по мере разрастания рода и его разделения.

Следует отметить, что культ очага и огня был настолько высок, что и по сегодняшний день, хотя и в несколько трансформированном виде, сохранился ряд религиозных ритуалов, связанных с ним. Вводя невесту в дом, её прежде всего ведут в наьна цIа (кухня; комната, в которой горит огонь, готовится пища). На протяжении семи дней в комнате, в которой умер человек, включают свет. При купании ребёнка долгое время в воду клали кусок древесного угля. С принятием ислама, ингуши включают свет во всех комнатах дома в то время, когда дают саха соседям. Специфическое отношение, как к особой ценности, сохраняется и к спичкам. Ночью перед уходом ко сну мать зажигает спичку и трижды обводит ею над головой спящего ребёнка, а коробку со спичками кладёт под подушку ребёнка, — писал А.А. Исламов. — Спички дают соседям и в качестве саха.

Итак, несмотря на то, что сам очаг давно заменён на более современные технологические устройства, понятие «очаг» закрепилось как символ единения за «семьёй». Известный кавказовед М.М. Ковалевский писал: «У всех горцев Кавказа очаг... символиче-

ски выражает семейное единство». Сегодня культ домашнего очага подразумевает сохранение семейных традиций и родственных связей, единство и память о предках.

Очаг занимал центральное место в жилище народов Кавказа. Очаг (печь) являлся сакральным местом и в культуре русского народа. Изучая ценности традиционной культуры народов России понимаешь, что часто народы, жившие не только рядом, но и вдали друг от друга, имели общие явления культуры, представляющие интерес и как ценное культурное наследие. В этом есть и мощное объединяющее начало, способствующее сближению и взаимопониманию между народами и людьми, утверждению принципов мира и согласия на земле.